

УДК 81.367.12+81.373.231+81.373.232.2

DOI: 10.15393/j14.art.2018.112

Кюршунова Ирина Алексеевна

Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
доцент кафедры русского языка как иностранного,
доктор филологических наук,
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

К итогам исследования исторической антропонимии в новых парадигмах лингвистического знания¹

Аннотация. Исследование региональной исторической антропонимии в новых парадигмах лингвистического знания проводилось в рамках проекта Министерства Образования РФ «Традиционное общество как фактор стабильности в полиэтническом приграничье регионе: Карелия в XVII — начале XX века» (рук. доцент И. А. Чернякова). В статье представлены основные результаты проделанной работы, связанные с анализом антропонимического материала, извлеченного из делопроизводственных памятников письменности XV—XVII вв. на русском и шведском языках периферийной территории Северной Руси, который ставится в контекст антропоцентрического, когнитивного, этнолингвистического, аксиологического исследования. На основе применения методики семантико-мотивационной реконструкции и системного подхода к исследованию семантики основ индивидуальных номинаций жителей Карелии сделаны выводы о системе ценностей, об особенностях представлений человека, жившего в донациональном социуме.

Ключевые слова: историческая антропонимия; новые парадигмы лингвистического знания; методика семантико-мотивационной реконструкции; мотивационная парадигма; антропоцентризм; этнолингвистика; аксиология; когнитивные подходы.

Активное введение в теорию лингвистических исследований аспектов, обусловленных связью языка и духовной культуры, позволило апробировать на их базе различные языковые единицы и явления, определить их особенности в отражении знания о человеке, его картине мира, о системе ценностей, которые сложились в обществе в определенное историческое

¹ Статья написана в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2018 г.

время. Подключение к такому изучению онимов оказалось более чем перспективным: они являются максимально культуросносными единицами языка, а антропонимы в этом ряду занимают одну из самых предпочтительных позиций, так как они — не только знаки духовной культуры, но и те элементы, которые теснее других языковых единиц связаны с человеком и репрезентируют через его индивидуально-идентифицирующую номинацию универсальный опыт, имеющий духовное, интеллектуальное, культурное содержание. Более того, особую актуальность в изучении когнитивно-антропоцентрических, этнолингвистических, аксиологических подходов имеет антропонимия, зафиксированная в периферийных, полиэтнических, трансграничных регионах донационального периода, поскольку именно антропонимы зачастую являются теми единственными компонентами, которые несут недостающую информацию о жизни человека в прошлом, взаимоотношениях в обществе, о духовных приоритетах наших предков. Как следствие, это позволяет включить антропонимический материал в широкую полосу сопоставлений: центр — периферия, свой — чужой, универсальное — специфическое.

С заявленных позиций была рассмотрена антропонимия Карелии: более 103000 употреблений на более чем 2500 антропонимических единиц — некалендарных и календарных личных имён, прозвищ, патронимов, ойконимов, зафиксированных в разных сферах деловой письменности на русском и шведском языках XV—XVII вв.¹ Выбран тот хронологический отрезок — XV—XVII вв., — который в лингвистическом плане отличает сосуществование языковых стихий, приведшее к переплетению различных явлений узусального и нормативного плана на всех уровнях языковой системы, включая ономастическую. Последняя в хронологическом аспекте характеризуется исследователями как период «борьбы» дохристианской и христианской ономастических стихий, когда канонический слой именований становится все более функционально активным, когда изменяется структура именования лица в целом, в него одновременно начинают включаться элементы, отражающие разные верования, принадлежность к разным этносам; когда помимо личного имени для номинации используются другие антропонимические единицы, например, патронимы, фамильные прозвания. См. примеры именований лиц в представленной ниже иллюстрации: перечислены жители одного из дворов Сванского Волочка на Ладожском озере: «Сенка Ондреев лучник, Никифорик Пахомов, Ганша Клементьев да сын его Никитка, Куземка Хлус Деменьтьев, Иванча Захаров, вдова Офимья Данилова жена Жерникова, вдова Анница Третьякова жена, вдова Огрофенка Онофреева жена, вдова Овдотьица Иванова жена, Горяинко да Третьячко Захаровы да Иванко Некрасов, Павлик Филиппов, Байко, Макарко Гришин, Муратко Иванов, вдова Овдотьица», 1568, ПКВП [10: 77].

Назовем универсальные и специфические особенности явлений, наблюдаемые в региональном ономастиконе.

1. Удаленность от центров позволила сохраниться в ономастической системе исконно русским именам (*Нечай, Третьяк, Первуша, Одиноц, Ждан, Подосенко, Вешняк, Морозко*² и т.д.), что дало возможность судить о принципах, способах и мотивах номинации лица, существовавших с дохристианской эпохи традициях имянаречения. Сделать предположение, что данный процесс был достаточно активным и искусственно сдерживался на страницах документов писцами.

¹ Отметим, что антропонимикон Карелии ещё не подвергался ни традиционному ономастическому описанию (то есть, с точки зрения анализа системы единиц номинации лица), ни анализу проприального материала в новых парадигмах знания.

² Здесь и далее примеры из делопроизводственных источников Карелии XV—XVII вв.

2. Динамичной была номинация лица характеризующими антропонимическими единицами — прозвищами, восходящими к отапеллятивным экспрессивам разной родовой принадлежности (Бодун, Горзан, Гундор, Желвач, Канюк и под., а также Ворошило, Дурило, Качало, Мазило и под. апеллятивные основы мужского рода; Базыка, Брыка, Заика, Заколуна, Космыня, Чеченя и под., у которых можно усматривать основу не только мужского, но и общего рода). В качестве прозвищ используются лексические единицы с переносной (образной) внутренней формой, свидетельствующей о некотором удалении от архаического восприятия мира. Так, мотивом именования прозвища *Тукач* (Микитка *Тукач*, п. Шуньгский, 1563, ПК ОП [11: 149]) стало, скорее всего, переносное значение апеллятива, ср. *тука́ч* ‘толстый человек’ пуд. [2] от *тука́ч* ‘связка, охапка соломы или льна’ олон. [14, 4: 116], медв., белом., пуд., прион. [2], новг. [1, 4: 441]. Антропонимизация экспрессивов, названий лиц метафорического характера — показатель изменения сознания и возникновения новой оценки человеком окружающего мира.

3. Среди отличительных черт данного периода назовем включение в именную систему мощной волны христианских личных имён, сосуществовавших параллельно с исконно русскими антропонимами, сохранившими архаические принципы и способы номинации лиц при рождении. Обе системы именования оказались неспособными победить главный «недуг» антропонимикона XV—XVII вв. — тезоименность — из-за полной закрытости списка потенциально возможных календарных имён и относительной открытости для введения в процесс наречения некалендарных личных имён¹. Данная тенденция носит общерусский характер, что допускает в последующих исследованиях обратиться к проблеме исполнения именем собственным основных «обязанностей» — индивидуализации и идентификации лица — в социуме и ставить вопросы о причинах ономастических предпочтений в самом обществе.

4. Полиэтничность региона и его пограничное положение между западом и востоком придало ономастикону Карелии XV—XVII вв. специфический, неповторимый колорит, в том числе и на территориях, которые по историческим причинам были переданы Швеции². Анализ антропонимикона с точки зрения межкультурной коммуникации позволил увидеть процессы активного взаимодействия разных этносов и культур. При этом зона отапеллятивных антропонимов содержит преимущественно иллюстрации толерантности с русской стороны: активное вхождение в русскую лексико-семантическую систему нарицательной лексики, подвергавшейся онимизации как на славянской, так и неславянской почве. Так, основа таких имён, как *Алажма*, *Карбас*, *Конжей*, *Кубас*, *Лембой*, *Мошник*, *Мянда*, *Ригача*, *Тинда* и др., освоена русским языком — отражена, например в русских говорах Карелии. Другая часть антропонимов с прибалтийско-финской основой — *Вайгач*, *Гангоня*, *Гимой*, *Куйва*, *Товкой*, *Ускал* и др. — не представлена в апеллятивной лексической системе русского языка.

Календарная именная зона указывает, напротив, на неславянский «либерализм»: календарный ономастикон на преимущественно финно-угорских территориях имеет православную основу, что наиболее четко прослеживается в шведских документах.

5. Как и по всей территории Руси, в качестве номинации лица в документах используется не только личное имя, но и прочие элементы именования, свидетельствующие, что в реальной речевой деятельности существовал номинативный ряд, выбор единиц из которого определялся функциональной лабильностью — попаданием номинативной единицы в нужный речевой уровень.

¹ См. примеры тезоименности в календарном и некалендарном именниках в работах И. А. Кюршуновой [6: 113; 5: 100—101].

² См. статьи И. А. Кюршуновой [3; 4; 7].

Таким образом, антропонимия Карелии — это своеобразный синтез исконно-русской, славянской и прибалтийско-финской, саамской языковых стихий, это синтез календарного и некалендарного взгляда на мир, это синтез христианкой православной и неправославной (лютеранской) идей в номинации человека.

Все это дает возможность рассматривать антропонимию Карелии как код культуры, который расшифровывается с помощью использования семантико-мотивационного подхода, позволяющего взглянуть на информативность антропонимических единиц (некалендарных и календарных личных имён, прозвищ и образований от них) как фрагментов, представляющих картину мира XV—XVII вв.¹

Ни одно имя в антропонимической системе не было случайным: за именем или за целой группой имён находилась мотивационная парадигма, между членами которой видится тесное взаимодействие. Построение данной парадигмы сопряжено с использованием приёма семантико-мотивационной реконструкции.

При этом для некалендарных имён исходным элементом парадигмы следует признать тот, который соотносится с древними верованиями и отражается в различных ритуалах, сохранившихся до настоящего времени и зафиксированных в диалектных, фольклорных, этнографических, исторических нарративах, словарях, специальных культурологических исследованиях.

Так, имена с *Не-* (*Нечай, Неждан, Некрас, Немир* и под.) не только имели реальную мотивационную основу, то есть родители не чаяли, не ждали, что ребенок появится на свет; ребенок при рождении был некрасив или имел беспокойный (немирный) нрав, но и входили в группу антропонимов, отражающих сему 'чужой' = 'чужой ребенок'. Это был своеобразный способ защиты ребенка от смерти, болезни, сглаза, который достигался через использование в имени компонента *Не-*, в нем и была заключена особая магия. И перечисленные имена имплицитно отражали желание появления долгожданного ребенка, который был красивым и имел спокойный характер. На данную особенность, сохранившуюся в русских говорах и литературном языке, обращал внимание Н. И. Толстой. В частности, он выделял «табуистическое не» применительно к ребенку. Со ссылкой на этнографические материалы Д. К. Зеленина Н. И. Толстой приводит пример, подтверждающий такую возможность: «Русские на р. Тереке, исходя из соображения, что сказать дитяти какую-нибудь похвалу — значит сглазить его, вместо "здоровый ребенок" говорят больной; вместо "красивый" — дурной; вместо "трудолюбивый" — лентяй» [13: 344]. А в беломорских говорах Карелии так говорят не только о детях: «сколь не баска, сколь не хороша девка», «сколь не умный отрок», «сколь не порядлива хозяйка» [2], где за перечисленными выражениями читается одобрение = 'красивая и хорошая девушка', 'умный отрок', 'порядливая хозяйка'.

Поиск такой информации и сопоставление её с антропонимическим материалом выводит исследование на этнолингвистику и пересекается с когнитивно-антропоцентрическими и аксиологическими параллелями в изучении материала.

1. Анализ некалендарных личных имён в новых лингвистических парадигмах показал, что в их семантико-мотивационной парадигме, помимо прозрачных мотивов номинации лиц, классифицированных по различным семантическим объединениям, выделяется имплицитная внутренняя форма с охранными и пожелательными мотивами. См. пример имён с *Не-*.

¹ Суть разработанной методики семантико-мотивационного подхода к извлечению антропоцентрической, когнитивной, этнолингвистической, аксиологической информации из антропонимического материала см. в диссертации [5: 37—58].

Обе внутренние формы могли появиться, прежде всего, в семейном социуме, а потому они отражали семейные ценности, традиции, разного рода магические действия, связанные с имянаречением, среди которых выделяются такие как особое отношение к ребенку, факт его появления в семье, совместные трудовые отношения.

2. У прозвищ экспрессивная внутренняя форма обусловлена, помимо характеризующих коннотативных и неконнотативных мотивов, «ономастической профилактикой», предупреждением через характеризующую номинацию целого комплекса различных отступлений от нормы в поведении и физическом облике человека. Семантика основ именования свидетельствует о том, что номинировался взрослый человек, вступавший в особые отношения с обществом, что давало возможность присвоить ему определенную индивидуальную номинацию. Так, антропонимы *Винокур, Гончар, Горшечник, Иконник, Котельник* и под., отражающие род деятельности лица, могли появиться только у взрослого человека, выполнявшего определенные производственные операции. Подобным образом, имена, связанные с местом жительства (*Двинянин, Толвуянин, Падмозер, Новгородец* и под.), характеристикой внешности и качеств характера человека, достигшего определенного возраста (*Бахорь, Брюхач, Зубатый, Коптяй, Пыхач, Роспута, Хилок, Хромой* и под.)

Обращение к анализу прозвищ требует рассмотрения фактов, нашедших отражение в языке донациональной эпохи, а при его отсутствии — в диалектной и современной литературной лексико-семантической и фразеологической системах, сопоставление с единицами которых позволило реконструировать отдельные лексемы и объединить их с помощью компонентного анализа в различные семантические множества, а далее использовать результаты для восстановления фрагментов картины мира, духовной культуры общества.

Так, прозвище *Луста* — Олферей Ондреев сын *Луста*, п. Толвуйский, грамота, 1538/1539 [8: 133], возможно, мотивировано переносным значением 'полный человек', ср. с данными говоров, где *лустый* 'жирный' смол. [12, 17: 205], ср. также с *луста* 'ломоть хлеба' курск., орл., калуж., пск., смол., зап. брян., твер., калин., перм., урал., Лит. ССР, а также 'жирный кусок; кусок сала' смол., Латв. ССР [17: там же]. А далее этот антропоним ставится в группу прозвищ (*Баклан, Бочка, Гладкой, Гладун, Гладыш, Дупль, Кабан, Кережа, Корова, Корчага, Кубас, Кубач, Курбат, Лабза, Лепяха, Лось, Мамон, Мянда, Обрюта, Телепень, Теляш, Тукач* и под., всего 31 именование), у которых также вычленяется при соотношении с лексическим значением апеллятива сема 'полный', а также 'толстый', 'жирный' 'пухлый', то есть 'такой, объем тела которого больше среднего, потому что в нем много мяса и жира' [9: 1157]

Важно отметить, что именно семантика апеллятива наполняет прозвище определенным смыслом и позволяет интерпретировать его в разных мотивационных планах, опять же базирующихся на культурных кодах, актуализация которых происходила в определенных ситуациях, скрытых от исследователя временем, что, впрочем, является справедливым и для других антропонимических единиц. Анализ прозвищ с аксиологических позиций показал, что особую ценность представляла оценка трудовых отношений. Все действия человека, его морально-этические и практически большая часть внешних особенностей проходили через призму трудовых (более того совместных трудовых) отношений.

3. Календарные личные имена также представлены через парадигму, один член которой изначально задан церковными правилами, другой имплицитно соотносит всех именуемых с архетипическим противопоставлением «свой ~ чужой». Принятие изначально чуждого языку имени — это не только способ указания на изменяющуюся социальную обстановку общества XV—XVII вв., это ещё и дополнительная мотивация, обусловленная возможностью поставить именуемого в другой (чужой) ряд, что опять же соприкасается с древними

верованиями, как ассоциация связи с заимствованными в ономастикон иноязычными именами, например тюркскими.

4. Оппозицию «свой ~ чужой» можно выявить и у некалендарных личных имён, и у прозвищ, что ещё раз является подтверждением известного тезиса о том, что это архетипическое противопоставление — одна из ведущих категорий языкового сознания, обусловленная культурным бытием человека и общества, это основа всех объективных и субъективных сравнений в мире.

5. За всеми номинациями человека следует видеть не только именуемого, но и номинатора, для которого был важен образ идеального человека в идеальном обществе. Поэтому в периферийной части Руси XV—XVII вв. можно выделить следующие ключевые понятия эпохи: «семья», «ребёнок», «отношения в обществе», «труд», где последнее является по своему аксиологическому статусу самым значимым. При этом в определении системы ценностей через анализ антропонимического материала (да и любого другого) необходимо учесть особенности, свойственные именно данной региональной картине мира, на которую влияло и географическое положение, и контакты с другими народами.

Таким образом, благодаря новым подходам, приложенным к исследованию регионального антропонимического материала, представленного в делопроизводственной письменности Карелии XV—XVII вв., были изучены антропонимы как особые культурные маркеры, этно-исторические знаки, ярко отражающие разностороннюю социальную жизнь, духовный мир, идеалы человека и народа-языкотворца и позволяющие увидеть самобытный исторический образ эпохи, этническую психологию, верования, нравственные и эстетические ценности.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. / В. И. Даль. — Москва : Рус. яз., 1981—1982.
2. Картотека Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии Петрозаводского государственного университета.
3. *Кюршунова И. А.* Антропонимия Кексгольмского лена / И. А. Кюршунова // История русского слова : Ономастика и специальная лексика Северной Руси : межвуз. сб. науч. работ / отв. ред. Ю. И. Чайкина. — Вологда, 2004. — Вып. 2. — С. 92—116.
4. *Кюршунова И. А.* Антропонимы в документах Кексгольмского лена XVI—XVII вв. как отражение межъязыковой коммуникации / И. А. Кюршунова // Язык и культура : матер. междунар. науч. конф., посвященной 70-летию проф. А. В. Савельевой. — Петрозаводск, 2007. — С. 154—158.
5. *Кюршунова И. А.* Историческая антропонимия Карелии в новых парадигмах лингвистического знания : дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Ирина Александровна Кюршунова. — Петрозаводск, 2017. — 451 с.
6. *Кюршунова И. А.* Календарные имена средневековой Карелии в когнитивном аспекте / И. А. Кюршунова // Вопросы ономастики. — Екатеринбург, 2013. — Вып. 15, № 2. — С. 108—127.
7. *Кюршунова И. А.* Шведские документы донационального периода как источник исследования русской антропонимии Карелии / И. А. Кюршунова // Вопросы ономастики. — Екатеринбург, 2016. — Т. 13, № 2. — С. 87—111.
8. Материалы по истории Карелии XII—XVII веков / под ред. В. Г. Гейман. — Петрозаводск : Госиздат КФССР, 1941. — 440 с.
9. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. / под. общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. — Москва : Шк. яз. и славян. культуры, 2003. — 1488 с.

10. Писцовая книга Водской пятины 1539 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах [Текст] / ред. И. А. Чернякова [и др.]. — Петрозаводск ; Йоэнсуу : КНЦ РАН, 1987. — Т. I : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta. — С. 19—51.
11. Писцовые книги Обонежской пятины : 1496 и 1563 гг. : материалы по истории Карельской АССР / Акад. наук СССР, Археогр. комис.; под общ. ред. М. Н. Покровского. — Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1930. IV, 268 с. (Материалы по истории народов СССР / Акад. наук СССР, Археогр. комис.; вып. 1).
12. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сорокалетова, С. А. Мызникова. — Москва ; Ленинград, 1965—2013. — Вып. 1—46.
13. Толстой Н. И. Язык и народная культура : очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. — Москва : Индрик, 1995. — 512 с. (Традиционная духовная культура славян).
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1986—1987.

References

1. *Dalʼ V. I.* Tolkovyj slovarʼ zhivogo velikoruskogo jazyka v 4 t. Moskva: Rus. jaz., 1981—1982. T. 1—4.
2. Kartoteka Laboratorii lingvisticheskogo kraevedenija i jazykovoj jekologii Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta.
3. *Kjurshunova I. A.* Antroponimija Keksgolʼmskogo lena // Istorija russkogo slova: Onomastika i specialʼnaja leksika Severnoj Rusi. Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh rabot / Otv. red. Ju. I. Chajkina. Vologda, 2004. Vyp. 2. S. 92—116.
4. *Kjurshunova I. A.* Antroponimy v dokumentah Keksgolʼmskogo lena XVI—XVII vv. kak otrazhenie mezhdunarodnoj kommunikacii // Jazyk i kulʼtura: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 70-letiju prof. L. V. Savelʼevoj. Petrozavodsk, 2007. S. 154—158.
5. *Kjurshunova I. A.* Istoricheskaja antroponimija Karelii v novyh paradigmah lingvisticheskogo znanija: diss. ... dokt. filol. nauk: 10.02.01. Petrozavodsk, 2017. 451 s.
6. *Kjurshunova I. A.* Kalendarnye imena srednevekovoj Karelii v kognitivnom aspekte // Voprosy onomastiki. / Ekaterinburg, 2013. Vyp. 15, № 2. S. 108—127.
7. *Kjurshunova I. A.* Shvedskie dokumenty donacionalʼnogo perioda kak istochnik issledovanija russkoj antroponimii Karelii // Voprosy onomastiki. Ekaterinburg, 2016. T. 13, № 2. S. 87—111.
8. Materialy po istorii Karelii XII—XVII vekov / pod red. V. G. Gejman. Petrozavodsk : Gosizdat KFSSR, 1941. 440 s.
9. Novyj obʼjasnitelʼnyj slovarʼ sinonimov russkogo jazyka. 2-e izd. / pod. obshh. ruk. akad. Ju. D. Apresjana. Moskva: Shk. jaz. i slavjan. kulʼtury, 2003. 1488 s.
10. Pисцовая книга Водской пятины 1539 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах [Текст] / ред. И. А. Чернякова [и др.]. — Петрозаводск ; Йоэнсуу : КНЦ РАН, 1987. — Т. I : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta. — С. 19—51.
11. Писцовые книги Обонежской пятины : 1496 и 1563 гг. : материалы по истории Карельской АССР / Акад. наук СССР, Археогр. комис.; под обшх. ред. М. Н. Покровского. — Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1930. IV, 268 с. (Материалы по истории народов СССР / Акад. наук СССР, Археогр. комис.; вып. 1).
12. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сорокалетова, С. А. Мызникова. Москва ; Ленинград, 1965—2013. Вып. 1—46.
13. *Tolstoj N. I.* Jazyk i narodnaja kulʼtura : ocherki po slavyanskoi mifologii i jetgningvistike / N. I. Tolstoj. Moskva: Indrik, 1995. 512 s. (Tradicionnaja duhovnaja kulʼtura slavyan).
14. *Fasmer M.* Etimologicheskij slovarʼ russkogo jazyka: v 4 t. / M. Fasmer. Moskva: Progress, 1986—1987.

Сокращения

а) географические:

белом. — беломорские говоры

брян. — брянские говоры

зап. — западные

калин. — калининские говоры

калуж. — калужские говоры

курск. — курские говоры

Латв. ССР — русские говоры Латвийской ССР

Лит. ССР — русские говоры Литовский ССР

медв. — медвежьегорские говоры

новг. — новгородские говоры

олон. — олонечские говоры

орл. — орловские говоры

перм. — пермские говоры

прион. — прионежские говоры

пск. — псковские говоры

пуд. — пудожские говоры

смол. — смоленские говоры

твер. — тверские говоры

урал. — уральские говры

б) источники:

ПКВП — Писцовые книги Водской пятины

ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины

Irina A. Kyurshunova

Petrozavodsk State University,

Institute of Philology,

Associate Professor of the Department of Russian as Foreign Language,

Doctor of Philology

**To the results of the research of historical antroponimiya
in the new paradigms of linguistic knowledge**

Abstract: The study of regional historical anthroponymy in the new paradigms of linguistic knowledge was carried out within the framework of the project of the Ministry of Education of the Russian Federation «Traditional Society as a Stability Factor in the Polyethnic Border Region: Karelia in the 17th — early 20th Century» (headed by Associate Professor Irina Chernyakova). The article presents the main results of the work done, related to the analysis of the anthroponymic

material extracted from the records of writing in the 15th—17th centuries which were done in Russian and Swedish at the peripheral territory of Northern Russia, and which are placed into the context of anthropocentric, cognitive, ethnolinguistic, axiological research. Based on the application of the method of semantic-motivational reconstruction and the system approach to the study of the foundations of individual nominations of the inhabitants of Karelia, conclusions are drawn about the value system and the features of the representations of a person who lived in a pre-national society.

Key words: historical anthroponymy; new paradigms of linguistic knowledge; method of semantic-motivational reconstruction; motivational paradigm; anthropocentrism; ethnolinguistics; axiology; cognitive approaches